

Пролог

Открыв глаза, я осмотрелся, поводя ими туда-сюда, но не шевеля головой. Это уже во второй раз, когда я очнулся. В первый раз хотел повернуть голову, но тут вспышка резкой боли — и меня вырубил. В этот раз я такой ошибки не допустил. Ну и руку поднял, с интересом её разглядывая. Детская рука, мальчонки. Итак, стало ясно, что я всё же умер, причём так банально, утонул. Ну не сказать, что банально, но утонул. Где я оказался, пока не понял, видел только крашенный извёсткой потолок, с патроном лампочки без абажура, стены, крашенные белой краской, да слышал сопение в стороне. Не видел кто, а двигать головой я всё ещё опасался. Похоже, перенос. Эх, надеюсь, в своё прошлое, альтернативки я читал, так что в курсе, и никаких рефлексий у меня не было. Да и вообще я к ним не склонен.

Что я могу рассказать о себе? А знаете, много, пусть я погиб всего через два дня, как справил тридцать шесть лет, но пожить успел, есть что рассказать. Прозвище у меня Совок, это из-за любви носить футболки с надписью «Я люблю СССР». Только вместо «люблю» сердечко. Вообще, это, конечно, фейк, о Союзе я знал мало, мне шесть лет было, когда он развалился, какая тут любовь? Ну да, надёжность советской техники и многих вещей я ценил, но не более. А футболки носил, так как мне одна из

подруг подарила шесть одинаковых. Из-за этого ещё миф был, что она у меня одна, и я её не стираю. Ну да ладно. Родился я в селе Алексеевское, что рядом с Казанью. Всего в ста километрах. Сбежал я из села в шестнадцать лет, сразу как закончил девять классов. С трудом, на одни тройки. Я тогда не понимал, как важны знания, а понял поздно. Отправился покорять Москву. И знаете, покорил. Своя квартира, пусть в Бирюлёво, зато двухкомнатная, машина неплохая, даже две. Недорогая иномарка, не люблю к себе внимание привлекать, и УАЗ. Из хобби и увлечений аж целых четыре постоянных, что я не забрасывал. Это путешествия, из-за чего пришлось учить английский язык. Да так увлёкся, что сейчас в совершенстве знаю английский и испанский и учу французский. Я всю планету не один раз исколесил. Времени-то порядочно свободного, не работал ни разу. Ну, кроме одного года водителем трамвая. Это после армии было, адаптировался. Так вот, путешествия, это моё основное увлечение, потом покатушки на внедорожниках. У меня «уазик» был здорово сделан, я состоял в клубе любителей УАЗов. С членами клуба и катались. Третье хобби — коп. Тут и магнитом в реках, и металлоискателем. В Москве тоже, но там конкуренция большая. Надо сказать, находок хватало, мог бы ещё одну квартиру купить, но не требовалось, всё тратил на первое увлечение. Четвертое и последнее постоянное увлечение, это охота. Заодно навыки стрельбы оттачивал. Гладкоствол у меня только один был, горизонталка двадцатого калибра, всё остальное нарезное, да и охотился только малокалиберным карабином. Хотя был и «Тигр». Переделка из армейской СВД. Хм, а погиб на Маниле, во время шторма, когда арендованный катер, на котором день рождения отмечал,

перевернуло. Внезапным шквалом. Хорошо родных не было, на берегу отдыхали, в отеле, я на рыбалку отправился с местным, хозяином катера. Родители на тот момент были живы и здоровствовали. Сестра с мужем в Индии жили, так что поздравляли только по «Скайпу».

Это, конечно, официальная моя жизнь, неофициальная куда интереснее. Я был наёмным убийцей. Наёмники разные есть, подрывники, снайперы, автоматчики, а я работал под несчастные случаи. Более шестидесяти благополучно выполненных заказов. А платили хорошо, так что счета в Испании, во Франции и в Канаде — в трёх банках держал — очень солидные были. Теперь всё родителям уйдёт, я на них завещание написал.

Как всё начиналось? Да доставал меня один угод в школе, с двумя прихлебателями. Сам я парень нелюдимый, друзей никогда не было, школьных или дворовых приятелей хватало, но не друзей. Пару раз отлупили меня. А один раз, когда из школы шёл, я во вторую смену учился, подстерегли и так избили, что я сознание потерял. А зима, январь, чудо, что на меня прохожие наткнулись и доставили в больницу. После этого во мне как будто злоба проснулась.

Этих троих я не сдал, хотя раньше ничего плохого не видел, чтобы сдать, воспитали так родители. А весной отомстил, когда полностью восстановился, ведь рёбра сломаны были, рука, гематом хватало — дубинками отходили за острый язык, в школе не раз их идиотами выставлял. Сработал чисто, под несчастный случай. Инсценировал утопление. В лёгких вода, в крови алкоголь, никаких следов на теле не оставлял, так что и списали дело как несчастный случай. На берегу пара початых баклажек пива, аккуратно сложенные вещи тоже нашли. Пусть для купания

май месяц ещё холодный, но некоторые забирались в воду. За всем этим, сдавая экзамены, я и следил.

Сдал их на тройки, девятый класс, ну и, сообщив родителям, что еду в Москву, хочу поступить в какое-нибудь профильное училище, на институт я не замахивался, только через неделю получил их согласие. Меня уговаривали отказаться от этой идеи, но я получил на руки их крохотные накопления и поехал в Москву. Даже смог поступить в ПТУ, учился на железнодорожника. Жил в общежитии. Осенью этого же года нашёл меня односельчанин, пригласил в кафе и там в лоб сообщил, что знает, что это я убил тех парней. Честно сказал, что доказательств нет, но предложил мне работу — ему понравилось, как я справился с той тройкой, не подкопаешься.

Так бывший сотрудник милиции и бывший участковый стал моим диспетчером. Посредник, по сути. Треть оплаты за заказ его, а остальное мне. Отказываться я не стал и уже через неделю исполнил первый заказ, получив тринадцать тысяч долларов США. Тратить не стал, убрал в кубышку, и не зря, после третьего заказа купил квартиру в Бирюлёво, где и прожил эти годы. Нравилась она мне, и хоть район этот хают, он мне тоже нравился. В училище я так и не доучился, сам ушёл со второго курса, интереса не было, а тут восемнадцать лет, поэтому отправился в армию. Посредник помог — в подрывном деле я полный ноль, хотел подучиться — он договорился с кем нужно, и я направился в инженерно-сапёрный батальон. Два года честно отслужил в Подмосковье, учился с азартом и с охоткой, освоил вождение бронетехники, разных армейских автомобилей, включая гусеничную технику, ну и сапёрное дело. После армии машину купил, до этого мотоцикл «Ява» был,

взял «девятку», так и жил, занимаясь хобби и выполняя заказы. Один раз было, что три срочных заказа за месяц исполнил. Хотя такую спешку не любил, ошибки могли быть, но уж больно суммы за работу солидные предлагали. Чтобы стать таким разносторонним специалистом, пришлось много учиться в разной сфере, даже освоил пилотирование легкомоторных самолётов и вертолётов, в США учился, однако работал чисто, всего дважды правоохранительные службы догадались, что не всё чисто с этими смертями.

Я очень надеюсь, что в своё тело попал, по руке непонятно, такая же кисть с длинными музыкальными пальцами. Пара царапин с тыльной стороны ладони, и всё. Что интересно, двадцатый год был, из-за пандемии все в страхе попрятались, причём за три месяца до моей гибели умер от ковида мой диспетчер, не пережил заразу, а я утонул. Так вот, если я попал в своё тело, ох и развернусь. Однако жизнь внесла свои коррективы, и я понял, что это не моё тело и не моё прошлое.

Просто где-то у меня в изголовье вдруг засипел динамик и заиграла довольно знакомая мелодия, а диктор сообщил, что сегодня тысяча девятьсот шестьдесят третий год, восемнадцатое число января и, поздравив всех с побудкой, передал слово другой ведущей, что с оптимизмом в голосе начала утреннюю гимнастику. А что за город, не сообщил. Пока я пребывал в задумчивости, в шоке я не был, как уже говорил, рефлексии — это не моё, рядом сипение задохнулось, перейдя в кашель, и скрипнула сетка койки, судя по шорохам, кто-то зашарил ногами по полу, видимо тапки искал.

— О, очнулся? — услышал я прокуренный бас явно пожилого человека.

— Похоже, да, — проглотив комок — язык как наждачка, пить хочу — всё же смог я хрипло выговорить. — Только непонятно, где очнулся?

— Так понятно где, в больнице. В соседних палатах ещё шестеро из ваших. Это надо же было додуматься до такого, — ворчал старик, шаркая тапками по полу до двери.

Выглянув, он крикнул дежурную медсестру, сообщив, что я очнулся, имени не сказал, «соседом» назвал, и так же шаркая, вернулся к своей койке.

Жаль от соседа не узнал своих новых данных. Надеюсь, врач сообщит. Буду играть амнезию. Хотя чего тут играть, бывшего хозяина моего нового тела я просто не знал. Чёрт, и школа ведь? Тут придётся учиться без дураков, я ничего по школе не помню, сам на тройки учился. Дроби, они до сих пор наводят на меня ужас. Телом вроде я овладел, хотя ходить ещё не пробовал, поэтому стал шарить руками под одеялом. Я был укрыт простынёй и сверху толстым шерстяным одеялом в бело-синюю клетку. Хотя всё равно прохладно было. На мне майка, но трусов не было. Тело пацана, краник между ногами нащупал. На теле никаких бинтов я не нашел, а вот на голове имелись, у меня под затылком валик был и бинты. Похоже, в голову прилетело. Да и не мне одному, раз я не один пострадавший. Что они делали, кидали патроны с мест боёв в костер или снаряд? Да тут долго гадать будешь, поди знай. Именно в момент ощупывания мной головы и зашла дородная женщина в белом халате и что, интересно, в шапочке. Тоже белой. Отругав меня, велела лежать смирно, напоила и ушла, я даже вопросы задать ей не успел.

— Дед? — тихо позвал я старика, но, похоже, тот был туг на ухо, я пытался крикнуть громче, но стрель-

нула болью рана на затылке, и голова зашумела, так что не стал рисковать. Подождём лечащего врача.

Я думал, врачи вокруг меня будут суетиться, да куда там. Припёрся только к десяти часам молодой, вообще сопляк, видать на интернатуре, или только-только закончил. Меня успели покормить кашей, манной, с комочками и на воде, да чай дать. Сам я пока плохо двигал руками, садиться мне запретили, так и покормили. Вопросы я задавал санитарке, что меня кормила, однако она торопилась, и не успел я все накопившиеся задать. Для начала узнал, что мы находимся на территории славного и закрытого для иностранцев города Владивостока. Этого только не хватало. Узнал, что было побоище, собралась ребятня двух районов и сошлись стенка на стенку. Там хорошо так куски льда летали, хотя это не по правилам. Но бой уже в бойню переходил, вот бывшему хозяину этого тела в основание черепа и прилетел солидный кусок. Санитарка это знала точно, у остальных тоже травмы от льда. Два дня назад всё это происходило. Один парнишка, лет четырнадцати, глаза лишился. И да, меня теперь звали Данилой, фамилии она, похоже, не знала, но то, что одиннадцать лет мне теперь, сообщила уверенно. Слышала от медсестёр. Это всё, что я смог узнать между теми моментами, когда мне в рот кашу пихали. Кстати, после завтрака чуть мутило, но потом прошло. Контузии от удара не было, только голова болела, и это хорошо.

Так вот, часов десять наступило, я по радио узнал, оно громко работало, а старик действительно глуховат был. Зашёл молодой парень в белом докторском халате, в сопровождении медсестры. Она выключила радио, парень, пододвинув меня к стене, сел на край кровати и начал стандартный опрос, заодно померили давление каким-то древним прибором.

Я за этим с немалым интересом наблюдал. Температуру померили утром, ещё до завтрака — забежала медсестра дважды, принесла градусник и унесла. Даже не сказала, сколько там. Врач, опрашивая меня о самочувствии, велел сесть, когда я прямо спросил, как меня зовут.

— Ты не помнишь? — нахмурившись, уточнил врач.

Кстати, он представился — терапевтом оказался — Иван Константинович. Фамилию не сказал.

— Нет, не помню.

— Что ты помнишь?

Я задумался, что говорить, тот, видимо, заминку эту воспринял по-своему, поэтому принял это как должное, когда я ответил:

— Ничего не помню.

— Полежи пока, — велел тот мне, как будто я сбегать куда собирался.

После этого он ушёл, даже рану на затылке не осмотрел, а я так и лежал, как вдруг замер. Старик снова включил радио, а там вскоре зазвучала одна мелодия, от которой у меня чуть всё тело не задёргалось, как будто под электрические разряды попал. А звучала там песня «Батяня-комбат». Дослушать мне не дали, слова и музыка немного отличались от оригинала, но всё равно здорово звучала, певца подобрали к ней что надо. Дослушать мне не дали врачи, в этот раз их было трое, один с бородкой, профессором оказался, ну и две медсестры. Одна совсем молоденькая. Вот теперь мной занялись серьёзно, бинт отодрали от раны. Я там уже сознание потерял.

* * *

Я покинул стены больницы, где пребывал пять недель. Сегодня среда, двадцать первое февраля,

зажило как на собаке, как говорится, а вот диагноз «амнезия» мне так и оставили в больничном листе. Гематома на затылке сошла, рваная рана от острой кромки льда поджила, врачи сказали, что две красных полоски остались, как волосы отрастут, не видно будет, а позже шрамы совсем незаметными станут, превратившись в две белесые полоски.

Эти пять недель, надо сказать, не прошли, а пролетели. У меня столько новостей, даже не знаю, с чего начать. Меня зовут Данила Геннадьевич Востриков. Двадцать девятого февраля мне бы исполнилось двенадцать лет. Да, Данила родился в високосный год. Он только в следующем году будет. Обычно Данила первого марта отмечает. Учусь в пятом «Б» классе средней школы номер четырнадцать, тут же во Владивостоке. У Данилы есть семья, мать, бабушка со стороны отца и две младшие сестры, девятилетняя Настя и пятилетняя Маша. Отец был капитаном дальнего плавания. Без шуток, был. Погиб два года назад, пожар на судне, всего треть команды смогла спастись. Шли из Штатов, посередине Тихого океана это случилось. Сухогруз «Василий Лапшин». Не знаю, кто это, но как мне объяснили родственники, герой Революции. В остальном всё не очень хорошо. Отец Данилы стоял в очереди на квартиру, вот-вот должны были дать, но после его смерти очередь отодвинулась. Друзья и коллеги пытаются что-то сделать, но пока не выходит, так что семья Востриковых ютится в коммуналке дома, что стоит на границе с новым районом, названным Минным. Тот ещё в стадии стройки был. Да и вообще, сейчас Владивосток — это одна большая стройка. Пятнадцать квадратных метров на пятерых, сейчас четверых, это мало, но живут. Чтобы прокормить семью, мать Данилы, Ольга Васильевна, работает на трёх

работах. Замуж за моряка выходила и фактически со школы занималась детьми. То есть профессии не имела. Поэтому работала в больнице и в школе уборщицей, третья работа основная, школьный библиотекарь. Учебники выдаёт.

Сестрицы и мать часто бывали у меня. За два года, с момента гибели отца Данилы, та сильно сдала, я видел фотографии её молодой, да и три работы тоже наложили отпечаток хронической усталости, однако всё делает, чтобы дети её ни в чём не нуждались.

Тут довольно красочно стоит описать бабушку. Ольгу Васильевну бабушка не любила и не скрывала этого. Жила в профессорской трёхкомнатной квартире, дед у Данилы был археологом, довольно известным. После гибели сына сноху на порог не пускала, вот с детьми её встречалась, под настроение, угощала сладким. Это всё, помощи от неё никакой, деньгами тоже. В общем, старушка единожды посещала меня и мне не понравилась. Тогда промолчал, но повторной нашей встречи не желаю. Сам Данила хулиган, хотя из пионеров пока и не выгнали, но явно не за горами, учится плохо. Постоянно на улице с друзьями. Бандитом растёт, как говорили соседи. Семью, мать и обеих сестёр (а я решил смириться с тем, что они есть и считать их семьёй) пустили только на второй день, как я очнулся. То, что я их могу не узнать, им уже сообщили. Что и подтвердилось. Не узнал. Надо сказать, и сёстры, и мама, я её так называю уже без внутреннего протеста, привыкаю, здорово меня выручали, помогая восстановить память, принося фотоальбомы, много рассказывая о жизни Данилы. Сунулись его дружки, но они мне не интересны, попросил больше не приходите, я их не помню. Ещё была одна девочка из класса Данилы, носила школьные задания. Её школьным